

Раздел 7
ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.091

А. Н. Житкова

**ЗАКОН КАТАСТРОФИЗМА:
«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.**

Рец. на кн.: *Перзек А. Б.* Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» в русской литературе XIX и XX века: функции национального мифа в постреволюционную эпоху (1917–1930-е годы) : монография. Кировоград : Имэкс-ЛТД, 2011. 459 с.

Монография А. Б. Перзек — заметное явление в литературоведении и пушкинистике последних лет. Книга обобщает все накопленное в критике и литературоведении о поэме за период со времени ее напечатания по настоящее время — это, разумеется, громадный и разноречивый массив источников. Задача, поставленная здесь, впечатляет своей масштабностью, и вместе с тем она осмыслена глубоко концептуально и новаторски.

Задача состояла в том, как это представил автор, чтобы, во-первых, описать поэму Пушкина как национальный миф и, во-вторых, проследить за функционированием этого мифа в русской литературе послереволюционного периода (1917–1930-е гг.). Структура книги, в которой две части, определяется этими задачами.

Главная идея авторской концепции состоит в том, что в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» творится культурно-исторический миф, выстраивается художественная модель, задается код, который раскрывает закон исторической и культурной судьбы России, воплотившийся в ее литературе, — это закон *катастрофизма*. Следует сразу

же заметить, что, хотя в названии книги упомянута эпоха XIX–XX вв., девятнадцатый век, классический послепушкинский период, не включен в аналитику — автор сразу же от анализа собственно поэмы переходит к контексту XX в. Этот «пропуск» вполне объясним — нельзя охватить необъятное. Однако концепция работы задаёт дополнительный ракурс в восприятии классики, высвечивая ее стержневое начало и действительно главенствующую в ней драматическую и трагическую, или катастрофическую, парадигму.

В первой части работы «Проблемы художественной концепции и поэтики поэмы “Медный всадник”» автор, интегрируя известные научные концепции, сумел подняться на качественно новый уровень. Его исходная позиция состоит в утверждении, что смыслы поэмы пребывают в целостности ее художественной системы, где все значимо, взаимосвязано и взаимообусловлено. Реализуя эту установку, автор книги со всей исследовательской скрупулезностью «прочитывает» текст поэмы, чутко и точно наблюдая все его подробности, все интонационные нюансы и смысловые оттенки, каковыми избыточно насыщено пушкинское повествование.

А. Б. Перзекке рассматривает два уровня художественной системы поэмы: уровень жанра и уровень субъектно-объектный. Не оспаривая существующих сегодня концепций жанра «Медного всадника», автор предлагает перейти в интегративный жанровый план и изучать поэму как *утопию* и *антиутопию*, родовые признаки которых восходят к фольклорным источникам. Такой подход интересен и убедительно аргументируется исследователем. Жанр утопии-антиутопии синтезирует все те жанровые аспекты, которые совмещаются в «Медном всаднике»: повествовательный, одический, идиллический. Новый подход к жанру поэмы, предложенный А. Б. Перзекке, наиболее органично «усваивает» целостность произведения, в частности, снимается вопрос о концептуально-стилевой «несовместимости» вступления и основной части поэмы. При этом интересно соотносятся образы Евгения и Петра как мечтательных строителей новой жизни, что как бы отождествляет исходные позиции персонажей и выводит их из социально-политической сферы в сферу общечеловеческую.

В субъектную систему поэмы вводятся не только Петр, Евгений и автор-повествователь, но и сама природная стихия. Впервые именно в рецензируемом исследовании фундаментально обсуждается

вопрос о *космогонической метафизике* Пушкина, как она воплотилась в поэме. В связи с этим автор пишет о масштабности Пушкина-мыслителя, «поэтического механизма бытия».

Тщательный анализ текста в совокупности всех его элементов — сюжетно-стилевой структуры, архитектоники, пространства и времени, архетипических и мифологических образов, мотивов, тропов, символов — приводит к выводу о том, что в поэме представлена катастрофическая картина мира в совокупности всех ее природно-человеческих проявлений. «...Страшное потрясение мира, — пишет исследователь, — изображенное в произведении на предметном, историческом уровне, сквозь которое проступают эсхатологические формы мифопоэтики, гибель героя, его невесты и множества других людей, создает ощущение разверзшейся бездны, зыбкости человеческого космоса» [с. 103]¹. Перед мощью стихии оказываются равно бессильными как Евгений, так и Петр.

Наблюдения над аналогией проявлений природной стихии (подчеркнуто антропоморфный образ) и бунта не новы в пушкиноведении, но они необходимы автору для концептуальной завершенности темы народа. На вопрос о том, как же сопрягаются в пушкинском мире хаос и гармония и не побеждает ли ее хаос, А. Б. Перзекке отвечает: в поэме Пушкина есть изображение возвращения к прежнему покою («В порядок прежний все вошло»), есть мотив постоянно возобновляющегося жизненного процесса в образе рыбака в начале и в конце поэмы, что предполагает вернувшуюся в свои берега реку и «выражает идею естественной и неостановимой стихии природного и народного бытия» [с. 96].

Интересно замечание о том, что все повествовательное пространство поэмы заполнено описаниями народа, его поведения, поступков, реакций, жизненных ситуаций, что как бы указывает на то, что именно он, народ, заполняет собою все пространство бытия.

При всей исследовательской обстоятельности в книге встречаются несколько затемненные места. В частности, нечетко прописан вопрос о соотношении космического и социального в бытийном плане. Вероятно, нужно подчеркнуть иерархичность этого соотношения,

¹ Здесь и далее в тексте рецензируемое издание цитируется с указанием в квадратных скобках соответствующей страницы.

а именно социальное «поглощается» космическим, «перекрывается» им — жертвами потопа оказываются равно и народ с его городом, и Евгений с его мечтой. В данном случае правомерно было бы поставить вопрос о том, что Пушкин мыслил собственно о процессе человеческой истории, о трагической «встрече» цивилизации с природой, созидающей воли человека с природой, которую он своенравно обращает в орудие своих эгоистических целей «на зло ей» и в ответ вызывает ее бунт, разрушающий и губящий все без разбора.

Специально выделенный раздел о Евгении обращает на себя внимание нетрадиционным толкованием образа этого героя. Исходный и вместе с тем итоговый тезис исследователя говорит о том, что Пушкин творит в образе Евгения героя нового типа, совмещающего в себе черты разночинца и «лишнего человека» и, кроме того, восходящего к личности самого поэта.

Образ Евгения необычайно культурологичен: он вбирает в себя многие смыслы, идущие, например, из западной литературы (роман о влюбленных), мифологии, архаической культуры (пространственные архетипы), благодаря чему образ героя и его судьба приобретают общечеловеческое значение символического характера.

Как показано в книге, Евгений — не «маленький человек», а личность, изначально осознанно избравшая путь «уединенного» существования вдали от суеты мира, что трактуется не как мещанский идеал, но как вариант духовно-нравственного «самостояния» личности. Обращаясь к лирике Пушкина 1830-х гг., А. Б. Перзекке выстраивает параллель *Пушкин — Евгений*, из чего следует, что ведь действительно для поэта в те годы желанны были уединение и покой, а в его лирике лейтмотивом проходит мысль о любви как одной из основных духовных опор человека.

В логике авторской концепции трактуется «смирение» Евгения при последней его «встрече» с Всадником: пережив опыт трагического потрясения, герой приходит к пониманию бессмысленности бунта — вообще всякого индивидуалистически-волевого акта, когда человечность с ее базовыми ценностями приносится в жертву «умышленному» космосу, «обрамленному камнем и металлом и подверженному разгулу стихии» [с. 155].

Вторая часть рецензируемой монографии посвящена непосредственно функционированию поэмы «Медный всадник» в русской

литературе XX в. в качестве *концептуально-структурного сверхтекста*. Автор анализирует поэмы «Двенадцать» А. Блока и «Анна Снегина» С. Есенина, романы «Мы» Е. Замятина, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Зависть» Ю. Олеши и др. Интертекст поэмы Пушкина выявляется на уровнях сюжетно-повествовательном, изобразительно-выразительном, персонажном. Во всех перечисленных произведениях разрабатываются мотивы укрощения стихий (человеческой и природной), созидательно-разрушительной воли власти и природы, требующей жертв, мотив катастрофического утопического проекта переустройства мира и др. «Воплощенные в поэме смыслы, — поясняет автор, — складываясь в катастрофическую картину мира и находя подтверждение в самой революционной реальности, входили в событийно-образную плоть создающихся литературных произведений, будучи узнаваемы в них как хорошо известные пушкинские мотивы “петербургской повести”» [с. 264].

Подытоживая все вышесказанное, следует подчеркнуть, что монография А. Б. Перзеке, безусловно, представляет содержательный вклад в литературоведческую науку и современную пушкинистику.

УДК 821.161.1.091

В. Г. Щукин

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О ЛИТЕРАТУРЕ БОЛЬШОГО УРАЛА

Рец. на кн.: История литературы Урала : Конец XIV–XVIII в. / глав. ред. В. В. Блажес, Е. К. Созина. — М. : Языки славянской культуры, 2012. — 680 с. : ил.

«Россия обречена на громкое звучание региональной проблематики» [с. 11]¹. Этими словами одного из редакторов рецензируемой книги, зав. сектором истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН и профессора Уральского федераль-

¹ Здесь и далее в тексте рецензируемое издание цитируется с указанием в квадратных скобках соответствующей страницы.